

ВНИМАНИЕ

Настоящий доклад не может цитироваться или кратко излагаться в прессе, по радио и телевидению или через каналы электронных сетей до 17 ч. 00 м. по Гринвичу 14 сентября 2017 года

КОНФЕРЕНЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО ТОРГОВЛЕ И РАЗВИТИЮ

ЮНКТАД

ДОКЛАД **О ТОРГОВЛЕ И РАЗВИТИИ** **2017 ГОД**

**ОТ МЕР ЖЕСТКОЙ ЭКОНОМИИ
К ГЛОБАЛЬНОМУ НОВОМУ КУРСУ**

ОБЗОР

**ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЪЕДИНЕННЫХ
НАЦИЙ**

КОНФЕРЕНЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО ТОРГОВЛЕ И РАЗВИТИЮ

ДОКЛАД О ТОРГОВЛЕ И РАЗВИТИИ, 2017 год

ОТ МЕР ЖЕСТКОЙ ЭКОНОМИИ
К ГЛОБАЛЬНОМУ НОВОМУ КУРСУ

ОБЗОР

**ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЪЕДИНЕННЫХ
НАЦИЙ**

Нью-Йорк и Женева, 2017 год

Примечание

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

Употребляемые обозначения и изложение материала в настоящем документе не означают выражения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций какого бы то ни было мнения относительно правового статуса той или иной страны, территории, города или района или их властей или относительно делимитации их границ.

Материалы, содержащиеся в настоящей публикации, можно свободно цитировать или перепечатывать, однако при этом необходимо указывать источник и номер документа. Экземпляр публикации, содержащей цитируемый или перепечатываемый материал, следует направлять в секретариат ЮНКТАД; адрес электронной почты: tdr@unctad.org.

Содержащийся в настоящем документе Обзор издается также в качестве части *Доклада о торговле и развитии, 2017 год*.

ОБЗОР

В своей пламенной речи, произнесенной пятьдесят лет назад в Риверсайдской церкви в Нью-Йорке, Мартин Лютер Кинг призвал к созданию мира, основанном на равенстве, справедливости, согласии и достоинстве. Выступая за «радикальный пересмотр ценностей», Кинг подчеркнул необходимость «как можно скорее переориентировать общество с материальных ценностей на человеческие. Когда машины и вычислительная техника, погоня за прибылью и права собственности становятся важнее людей, победить чудовищную триаду расизма, крайнего материализма и милитаризма невозможно».

Сегодня призыв Мартина Лютера Кинга принять более всеобъемлющую программу действий звучит столь же актуально. «Чудовищная триада», об угрозе которой нас предостерегал Кинг, вновь набирает силу, и вместе с этим наблюдается возвращение к привычному мышлению, пронизанному озлобленным национализмом и ксенофобией. Совершенно очевидно, что со времен Кинга разрыв между богатыми, средним классом и бедными лишь увеличился. В большинстве стран мира движение вперед к обеспечению полной занятости и созданию эффективной системы социального обеспечения сменилось противоположной тенденцией несколько десятилетий назад, когда правительства по сути превратились из «поставщиков» в «посредников».

Десять лет спустя после разрушительной финансовой бури, зародившейся на Уолл-Стрит, прокатившейся по важнейшим регионам Америки и вырвавшейся за ее пределы, в мировой экономике все еще царит полный штиль слишком низкого роста, а социальное и экономическое неравенство, проявившееся со всей очевидностью во время кризиса, пока не удастся сгладить. Правительства закрыли наиболее очевидные лазейки и запретили опасные финансовые инструменты, проявившиеся во время кризиса; однако какими бы благими не были их намерения, в реальности очень немногие виновные в случившейся катастрофе понесли ответственность за свои действия и мало было сделано для устранения главных причин происшедшего.

В условиях, когда с помощью очевидной руки государства «гиперглобализация» вновь набирает силу, всё возвращается на круги своя и вновь раздаются призывы к «осторожному» регулированию, а политика жесткой экономии стала излюбленным средством решения проблемы «чрезмерно» высокого уровня государственного долга. Вместе с тем применение роботов, погоня за рентой и права интеллектуальной собственности становятся важнее интересов людей и их средств к существованию. История, судя по всему, имеет неприятное свойство повторяться.

В отличие от хрестоматийной модели идеальной конкуренции, гиперглобализация привела к значительной концентрации экономической власти и богатства в руках крайне узкого круга людей. Такое положение вещей вовсе не обязательно исключает возможность экономического роста. Но если вспомнить историю, то оно зачастую вызывает политическую напряженность в результате столкновения с более широкими общественными и социальными интересами. Действительно, со времен Адама Смита более здравомыслящие сторонники «рынка» предостерегали о политических опасностях, связанных с концентрацией экономического богатства. Поэтому неудивительно, что система, которая, как считается, чрезмерно ориентирована на интересы небольшой горстки

корпораций, финансовых институтов и богатых людей, вызывает негодование общественности.

Доверию, единству и чувству справедливости, от которых по сути зависит эффективное функционирование рынков, сейчас угрожает реальная опасность. Ни один социальный или экономический порядок не может быть надежным, если он не обеспечивает справедливое распределение благ в хорошие времена и издержек в плохие.

Политический лозунг «Альтернативы нет!» уже в прошлом. Повсюду людям нужно примерно одно и то же: достойная работа, надежная крыша над головой, безопасная окружающая среда, лучшее будущее для своих детей и правительство, понимающее и учитывающее их интересы; в реальной жизни их желания расходятся с тем, что может им предложить гиперглобализация. Это было учтено в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, предусматривающей ряд соответствующих целей, задач и показателей. Наряду с этим предстоит еще выработать стратегическую концептуальную основу и обеспечить решительное политическое руководство. Уже есть обнадеживающие признаки того, что в XXI веке проводится столь своевременное переосмысление некоторых из забытых стратегий и решений, которые способствовали восстановлению мировой экономики после Второй мировой войны и которые привлекают внимание нового поколения, стремящегося сделать наш мир лучше.

На этот раз любой новый курс должен как сильный прилив «поднять все лодки» в развивающихся и развитых странах с учетом того, что многие перекосы, препятствующие устойчивому и инклюзивному росту, носят глобальный характер. Политики, выступающие за меры жесткой экономики, корпорации, стремящиеся к увеличению ренты, и банкиры-спекулянты не способны обеспечить процветание для всех. Поэтому сегодня крайне остро стоит вопрос о разработке глобального нового курса.

Глобальная экономика: десять лет спустя

Десять лет назад мировая экономика впервые столкнулась с угрозами гиперглобализации. Из-за внезапного прекращения межбанковского кредитования в августе 2007 года и усилившихся рисков невыполнения контрагентами своих обязательств финансовые рынки стало сильно лихорадить, некоторые финансовые институты оказались втянутыми в спираль неплатежеспособности, вспыхнуло пламя великой рецессии. Большинству стран до сих пор не удалось вернуться на путь устойчивого роста.

Хотя Соединенные Штаты быстро приняли меры для предотвращения финансовой катастрофы, которая все же разразилась годом позже, последующий экономический подъем был по историческим меркам медленным и проходил по-разному для среднего класса и зажиточных слоев, для деловых кругов и обычных людей, для мегаполисов небольших городов и сельских общин. В Европе кризис проявился более остро и оказался более глубоким, особенно в некоторых странах на периферии, где вызванные им экономические потрясения привели к катастрофическим социальным последствиям. Особенно непросто оказалось остановить рост безработицы, а тем более обратить этот процесс вспять. Одна из главных причин этого заключается в том, что большинство развитых стран так или иначе преждевременно свернули принятые в ответ на кризис программы налогово-бюджетных мер по стимулированию экономического роста, отдав предпочтение инструментам денежно-кредитной политики. Такое решение позволило банкам и финансовым компаниям стабилизировать свое положение и начать вновь получать прибыль, однако оно оказалось менее успешным с точки зрения стимулирования потребительских расходов и инвестиций. В ответ на это директивные органы стали впервые применять отрицательные процентные ставки в попытке заставить банки предоставлять кредиты. Тем не менее обеспечить устойчивый экономический подъем пока не удалось.

Несмотря на оживление на финансовых рынках и признаки циклического восстановления, наблюдавшиеся в Западной Европе и Японии в конце года, темпы мирового экономического роста в 2016 году были гораздо ниже, чем до кризиса. В Соединенных Штатах признаки замедления экономического роста, проявившиеся к концу 2016 года, продолжились наблюдаться и в 2017 году: в частности, темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) составили в первом квартале 1,4% в условиях по-прежнему медленного роста заработной платы, несмотря на сокращение безработицы, что нашло отражение в существенном замедлении роста расходов домохозяйств.

Динамика экономического роста в странах еврозоны была весьма неоднородна: в первой половине 2017 года в некоторых менее крупных и менее богатых странах наблюдался более быстрый рост по сравнению с ключевыми странами, где он был медленнее. В качестве положительной тенденции можно отметить резкое снижение среднего уровня безработицы, который теперь исчисляется однозначными показателями (за явным исключением ряда стран, таких как Греция и Испания), хотя качество создаваемых новых рабочих мест вызывает обеспокоенность.

После решения о выходе Соединенного Королевства из Европейского союза во второй половине 2016 года экономика страны характеризовалась неожиданно высокими темпами роста в результате падения курса фунта стерлингов, которое способствовало расширению экспорта и увеличению расходов домохозяйств, вызванному ростом потребительского кредита и повышением цен на недвижимость. Однако последующее замедление темпов роста ВВП, которые в первом квартале 2017 года составили лишь 0,2%, вероятно, продолжится и в дальнейшем в связи с новыми факторами политической неопределенности, обусловленными тем, что в условиях, когда правительство ведет переговоры о процедуре выхода из Европейского союза, в парламенте ни одна партия не имеет большинства. В Японии оживление экономической активности в последнее время представляет собой по сути улучшение экономической ситуации после продолжительного периода медленного роста, связанное главным образом с увеличением экспорта после корректировки курса национальной валюты, который на протяжении длительного времени был завышен.

Отсутствие устойчивого подъема в развитых странах и повышение нестабильности глобальных потоков капитала выступают факторами, оказывающими сдерживающее воздействие на экономический рост в развивающихся странах, которое, однако, по-разному проявляется в отдельных странах и регионах. В целом быстрый восстановительный процесс после первых финансовых потрясений 2008 года сменился затяжным периодом замедления роста с 2011 года. В Китае и Индии – двух странах с самым большим населением – темпы экономического роста остаются относительно высокими, хотя они по-прежнему ниже, чем до кризиса, и при этом сохраняются некоторые существенные факторы риска экономического спада. В начале 2017 года некоторым другим крупным странам с формирующейся рыночной экономикой удалось выйти из рецессии, хотя они вряд ли смогут добиться показателей роста, наблюдавшихся в течение первых десяти лет нового тысячелетия.

Значительное влияние на экономический рост оказывают следующие два фактора. Во-первых, хотя цены на нефть и сырьевые товары повысились после недавнего резкого падения, они по-прежнему намного ниже пиковых уровней, наблюдавшихся в период экономического бума, что сдерживает оживление экономической активности в странах, экспортирующих сырьевые товары. Во-вторых, пока развитые страны отказываются брать на себя ответственность за принятие скоординированных мер по стимулированию экономического роста, политика жесткой экономии стала предпочтительной макроэкономической стратегией во многих странах с формирующейся рыночной экономикой, сталкивающихся с дисбалансами в бюджетно-финансовой сфере и растущим уровнем задолженности. Положение дел может ухудшиться, если отток иностранного капитала потребует сокращения импорта, с тем чтобы уменьшить отрицательные сальдо торгового баланса и счета текущих операций, финансировать которые становится все труднее. Не удивительно, что встревоженные политики во многих странах Юга, которые все больше осознают, что имеют лишь ограниченный контроль над некоторыми ключевыми факторами, определяющими экономическое будущее их стран, пристально следят за политикой Федерального резерва Соединенных Штатов в отношении процентных ставок, за действиями трейдеров на сырьевых рынках и хищническими методами работы хедж-фондов.

После двухлетнего экономического спада в 2015 и 2016 годах, когда ВВП сократился соответственно на 0,3% и 0,8%, в этом году в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна ожидается экономический рост, хотя и совсем небольшой. Согласно прогнозам, в странах Южной Америки темпы роста составят в среднем 0,6%, а в странах Карибского бассейна они достигнут 2,6%. Перспективы экономического роста в регионе во многом будут определяться динамикой цен на сырьевые товары и развитием политической ситуации в Аргентине и Бразилии, на которые в совокупности приходится более половины объема производства всех стран региона. В Мексике наблюдается медленный, но стабильный рост, хотя из-за инфляционного давления мер по оздоровлению бюджета и неоднозначной политики администрации президента Трампа в этом году усилились негативные риски.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе по-прежнему наблюдается устойчивый экономический рост, хотя и не столь динамичный как в последнее время, в частности темпы роста выросли с 4,9% в 2016 году до, по оценкам, 5% в 2017 году. Многое будет зависеть от состояния экономики двух крупнейших стран региона. В этом отношении важнейшее значение будет иметь то, каким образом

Китай справится с проблемой стремительного роста внутреннего долга с 2009 года. В Китае показатель соотношения задолженности к ВВП оценивается в 249% по сравнению с 248% в Соединенных Штатах и 279% в странах еврозоны. Принятие правительством Китая мер для сдерживания роста задолженности может привести к снижению внутреннего спроса с негативными последствиями для всего региона. В Индии экономический рост во многом будет зависеть от реформ в банковском секторе, который сталкивается с проблемой большого объема ненадежных и непроизводительных активов, и к тому уже проявились признаки замедления темпов роста кредитования. Поскольку рост частных инвестиций и потребления за счет увеличения задолженности выступал важным фактором экономического роста в Индии, завершение кредитного бума, вероятно, приведет к замедлению роста ВВП. Кроме того, неформальный сектор, на который по-прежнему приходится не менее трети ВВП страны и более четырех пятых рабочих мест, серьезно пострадал от предпринятой правительством в ноябре 2016 года инициативы по «демонетизации» экономики и может еще больше пострадать после введения налога на товары и услуги в июле 2017 года. Таким образом, даже при сохранении нынешних темпов роста в Китае и Индии они вряд ли станут локомотивами роста для глобальной экономики в ближайшем будущем.

В то же время снижение цен на нефть и завершение сырьевого бума, в частности с 2014 года, оказывали негативное влияние на Африканский регион (некоторые районы которого пострадали от засухи), вследствие чего темпы экономического роста в регионе упали с 3% в 2015 году до 1,5% в 2016 году. Как представляется, только Восточная Африка смогла противостоять этой тенденции и сохранить в 2016 году темпы роста в среднем на уровне выше 5%. За этим средним показателем скрываются существенные различия в динамике роста в отдельных странах в 2016 году: от более чем 7% в Кот-д'Ивуаре и Эфиопии до 1,1% в Марокко и 0,3% в Южной Африке. В частности, Южная Африка оказалась в «технической рецессии» после сокращения ее ВВП в течение двух кварталов, а именно на 0,3% в четвертом квартале 2016 года и на 0,7% в первом квартале 2017 года. Причиной этого стало ухудшение показателей в обрабатывающей промышленности и торговле, хотя в сельском хозяйстве и горнодобывающей промышленности положение улучшилось. ВВП Нигерии снизился на 1,5%, а в Экваториальной Гвинее – примерно на 7%. Причина трудностей, с которыми столкнулись многие из этих стран в последнее время, заключается в том, что им никак не удается диверсифицировать свою экономику для обеспечения экономического роста, при этом

большинство из них по-прежнему во многом зависят от одного или лишь нескольких сырьевых товаров.

Кто станет источником мирового спроса?

В условиях отсутствия доверия к политике и непредсказуемых ожиданий экономический рост во многих странах будет, вероятно, по-прежнему характеризоваться сменяющимися друг друга периодами подъема и спада. Порой ситуация представляется более оптимистичной, но мировая экономика вряд ли сможет выйти на путь инклюзивного роста без настойчивых международных усилий по обеспечению одновременного экономического подъема.

Пока еще далеко неясно то, откуда может исходить импульс для более активного оживления экономики. В прошлом экономика Соединенных Штатов служила главным источником мирового спроса, выступая импортером для остальных стран мира со значительным отрицательным сальдо по счету текущих операций. В условиях, когда доллар США служил мировой резервной валютой, достаточный приток капитала позволял компенсировать не только это отрицательное сальдо, но и значительный отток капитала из страны. В результате между Соединенными Штатами и остальным миром сформировались отношения, устраивавшие все стороны.

Ситуация резко изменилась после мирового финансового кризиса. Вследствие сокращения после 2008 года отрицательного сальдо в Соединенных Штатах их чистый спрос стабилизировался на уровне значительно ниже, чем до кризиса. С 2013 года в других развитых странах увеличивалось положительное сальдо по счету текущих операций, и они как группа перестали выступать источником спроса для мировой экономики. С другой стороны, развивающиеся страны и страны с переходной экономикой в целом имели активное сальдо до 2014 года, которое впоследствии сменилось отрицательным. Однако размеры их отрицательного сальдо в абсолютном выражении были гораздо меньше и далеко недостаточны для того, чтобы компенсировать снижение чистого спроса со стороны развитых стран. В Китае положительное сальдо по счету текущих операций было самым высоким в мире до 2010 года, которое в дальнейшем начало сокращаться, хотя и скачкообразно. Германия вышла на первое место по размеру активного сальдо, которое возросло еще больше в последнее время. Однако в отличие от оживления экономической активности в Китае, оказавшего во время бума стимулирующее влияние на экономический рост в ряде других развивающихся стран в результате вовлечения их в производственно-сбытовые цепочки для экспорта продукции в страны с более развитой экономикой,

экономический подъем в Германии не оказал столь значительного положительного воздействия на большинство развивающихся стран. Общий отрицательный эффект на мировую экономику усилился в результате повсеместной тенденции в странах еврозоны, где политика жесткой экономии привела к увеличению положительного сальдо в регионе, что способствовало «экспорту» дефляции и безработицы из стран еврозоны в остальные страны мира.

Нахождение быстрых и эффективных способов для использования и сокращения положительного сальдо остается чрезвычайно сложной задачей для международного экономического сообщества, которую будет трудно решить до тех пор, пока меры жесткой экономии будут выступать главным инструментом макроэкономической политики в гиперглобализованном мире. С 2010 года в большинстве развитых стран степень жесткости таких мер была от «умеренной» до «крайней», и даже странам, обладавшим значительными возможностями для маневра в бюджетно-финансовой политике, не удалось добиться устойчивого роста экономики. До недавнего времени исключением в этом плане были некоторые крупные страны с формирующейся рыночной экономикой, хотя, по имеющейся информации, они тоже начинают сокращать расходы с целью оздоровления бюджета.

Значительные долгосрочные инвестиции, создающие возможности для экономического подъема в странах с низким уровнем дохода, могут стать одним из инструментов для оживления мирового спроса. В этой связи можно только приветствовать недавнее заявление Германии о своем намерении представить план Маршалла для Африки. Однако ни масштабы, ни цели этой инициативы, вероятно, не соответствуют его исходному прототипу, который помог восстановить послевоенную Европу. В отличие от этого выдвинутая Китаем инициатива «Один пояс – один путь» представляется более амбициозной. Если она будет реализована в том виде, в котором она задумана, то ожидается привлечение огромных инвестиций в объеме, по оценкам, 900 млрд долл. США. Тем не менее большая часть проекта существует пока только на бумаге, и темпы его реализации и влияние на экономику будут зависеть от того, каким образом Китай устранил свои внутренние перекосы, а также от методов финансирования планируемых инвестиций в странах, участвующих в инициативе.

Трудные времена для торговли и потоков капитала

С тех пор как Федеральный резерв Соединенных Штатов начал намекать на возможное сокращение денежных вливаний в экономику, потоки капитала стали неустойчивыми. Со второго квартала 2014 года наблюдается чистый отток капитала из развивающихся стран и стран

с переходной экономикой, что, как указано в *Докладе о торговле и развитии* за прошлый год, может повлечь за собой весьма серьезные последствия. До сих пор Федеральный резерв крайне осторожно подходить к повышению процентных ставок, например в первой половине 2017 года оно составило всего лишь 50 базисных пунктов. Тем не менее бегство капитала может начаться даже в развивающихся странах с более крепкой экономикой. Так, например, Китай столкнулся с большим и неожиданным оттоком капитала, вызвавшим сокращение валютных резервов с 4,1 трлн долл. США в июне 2014 года до 3,3 трлн долл. в июне 2016 года и до 3,1 трлн долл. к концу октября 2016 года. Чтобы остановить такой массовый отток капитала, в ноябре 2016 года правительство приняло ряд мер по регулированию потоков капитала, что способствовало стабилизации ситуации. Тот факт, что подобное могло произойти в стране, которая на протяжении десятилетий оставалась привлекательной для размещения мирового капитала и по-прежнему располагает крупнейшими в мире валютными резервами, свидетельствует о том, что ни одна из стран не защищена от возможных дестабилизирующих последствий, связанных с динамичными потоками капитала.

В этом году, вероятно, можно ожидать ускорение роста мировой торговли после весьма низких темпов в 2016 году. Однако существуют сомнения относительно долговременности тенденции к расширению экспорта из стран с формирующейся рыночной экономикой, которая во многом объединяет эти положительные изменения. В условиях низкого мирового спроса мировая торговля скорее всего не сможет обеспечить повсеместный рост, разве что в отдельных странах и при определенных обстоятельствах. Кроме того, постепенно тает надежда на быстрый прорыв на многосторонних торговых переговорах, в значительной степени ориентированных на развитие.

Повышение цен на сырьевые товары в прошлом году и в начале 2017 года оказало определенное стимулирующее воздействие на экономику развивающихся стран-экспортеров сырья. Однако цены уже начали снижаться, так и не достигнув их среднего уровня за первые десять лет нового тысячелетия. С начала 2017 года цены на сырую нефть характеризуются особенно сильными колебаниями, причем в основном в сторону снижения, и сейчас они гораздо ниже отметки в 50 долл. США, несмотря на напряженность в Западной Азии. В Соединенных Штатах также наблюдаются признаки увеличения запасов нефти в условиях возвращения сланцевой нефти на рынок благодаря предшествовавшему росту цен и снижению стоимости добычи в результате внедрения новых технологий, что в среднесрочной перспективе будет оказывать понижающее

давление на цену нефти. В последнее время также отмечается падение цен на металлы в связи со снижением спроса в Соединенных Штатах.

* * * *

В нынешней сложной и непредсказуемой обстановке во всем мире необходимо ускорить процесс перехода к инклюзивной экономике и обществу. В первую очередь необходимо как можно быстрее отказаться от политики жесткой экономии и вновь поставить финансовый сектор на службу обществу, а не наоборот. Придание многосторонней торговой системе нового импульса и повышение ее значимости как глобального общественного блага имеют также важное значение для достижения Целей в области устойчивого развития. Тем не менее пока сложившиеся формы и методы ведения коммерческой деятельности не встречают значительного противодействия в ряде ключевых секторов, будет по-прежнему наблюдаться быстрое усиление концентрации рынков и распространение рентоориентированной практики. Это может привести к дальнейшему обострению неравенства, которое и без того возросло за три последние десятилетия гиперглобализации. При этом ситуация может еще больше осложниться в том случае, если технологические изменения будут препятствовать созданию рабочих мест, что вызовет еще большую обеспокоенность. С уменьшением предложения хороших рабочих мест при их распределении предъявляются все более строгие требования, что усиливает социальную дискриминацию, в частности по гендерному признаку, а также отрицательно сказывается на других социально уязвимых группах. Для исправления этих перекосов требуются систематические и согласованные действия на национальном и международном уровнях. И действительно, сегодня крайне остро стоит вопрос о разработке глобального нового курса.

Куда уходят деньги: финансовые причины неравенства и нестабильности

В начале 1980-х годов в мировой экономике произошли резкие изменения вследствие повсеместного дерегулирования рынков, в частности финансовых и валютных, как в богатых, так и в бедных странах, а также вследствие постепенного ослабления государственного сектора. Сопутствующим фактором стало преклонение перед прибылью, причем не только во всех сферах экономической жизни, но и в социальной, культурной и политической областях. В результате отказ государства от функций контроля и управления в экономической сфере привел к свертыванию,

а в некоторых случаях и окончательной отмене мер, которые государства ранее использовали для регулирования процесса их интеграции в глобальную экономику. Многие участники глобальной экономики с энтузиазмом заявляли: «Мы готовы к деловому сотрудничеству».

Гиперглобализация нашла группу активных сторонников в лице технократов, бурно приветствовавших креативные и стабилизирующие возможности конкурентных рынков и процесса максимизации прибыли. Однако на практике во главе угла стояли именно финансовые интересы. В условиях гиперглобализации финансовый сектор не только смог подчинить реальную экономику своим спекулятивным интересам, но он и все больше замыкался на себе. В результате банки становились крупнее, все больше диверсифицируя свою деятельность, и наряду с целым рядом других финансовых институтов создали несметное количество финансовых активов для спекуляций. В 2007 году широко используемая практика привлечения заемного капитала в сочетании с инновационными финансовыми инструментами обернулись серьезными проблемами, что в конечном итоге привело через год к панике на рынках и их обвалу.

С 2009 года предпринимаются усилия для исправления перегибов в финансовом секторе путем создания различных правительственных комиссий, установления в законодательном порядке некоторых ограничений для деятельности банков, усиления надзора, призывов к самоконтролю и периодического применения санкций в самых вопиющих случаях мошенничества. Однако основные макрофинансовые структуры в целом и целом остались неизменными. Несмотря на триллионы долларов, направленные центральными банками в финансовый сектор, в большинстве стран обещанный широкомасштабный экономический подъем так и не начался. И, самое главное, не было предпринято почти никаких усилий для решения проблемы взаимосвязанности неравенства и нестабильности, ставших характерной чертой дерегулирования финансовой сферы.

Хотя процесс финансиализации во многих развитых странах наблюдается с начала 1980-х годов, различные показатели свидетельствуют о его заметном ускорении во всех странах с начала 1990-х годов. С тех пор в большинстве развитых стран общий объем активов банковского сектора вырос более чем вдвое до уровня, превышающего 200% ВВП во многих европейских странах и Соединенных Штатах и даже 400% ВВП в Японии. По приблизительным расчетам, банковский сектор сегодня оценивается в сто триллионов долларов. Соответствующая картина в развивающихся странах и

странах с переходной экономикой отличается только масштабами, в частности, в таких странах, как Чили, Китай и Южная Африка, объем активов банковского сектора порой превышает 200% ВВП.

Дальнейшее открытие финансового сектора способствовало быстрому увеличению международных активов этих все более крупных финансовых игроков, подвергая отдельные страны воздействию сил, не зависящих от национальных директивных органов, и тем самым повышая финансовую уязвимость и усиливая системные риски. Во время финансового кризиса 2008 года совокупный объем внешних активов и долговых обязательств банков составлял от 100% ВВП в Бразилии, Китае и Турции до более 250% ВВП в Чили и Южной Африке. В большинстве развитых стран этот показатель достигал от 300 до 600% ВВП. Такое положение отражало увеличение трансграничных потоков капитала и объемов валютных операций, которые значительно превышали потребности, связанные с торговлей товарами и услугами. Это также привело к повышению концентрации банковской деятельности, в частности совокупный объем активов пяти крупнейших банков в четыре раза превышал ВВП в некоторых развитых странах и достигал 130% ВВП в ряде крупных развивающихся стран.

Процесс финансиализации получил дополнительный импульс из-за давления, оказывавшегося на работу регулирующих и директивных органов, особенно в важнейших финансовых центрах. Вера в эффективность рынка привела к тому, что был взят общий курс на усиление ориентации государственных расходов и государственных услуг на интересы частных инвесторов. Такая политика открыла двери для приватизации системы здравоохранения, высшего образования и пенсионной системы, и, как следствие, во многих странах она привела к росту задолженности домохозяйств. По мере повышения статуса и политического влияния финансовых кругов они начали насаждать культуру привилегированности, переходя от оправданий к поклонению высоким вознаграждениям и практике извлечения ренты.

Проанализировав тенденции накануне Великой депрессии в начале 1930-х годов, Кейнс пришел к выводу о том, что увеличение разрыва в доходах в результате свободного действия рыночных сил в совокупности с более высокой склонностью состоятельных классов к накоплению приводит к недостаточному совокупному спросу (недостаточному потреблению) и чрезмерными высоко рискованными финансовыми операциями, ориентированным прежде всего на получение спекулятивной прибыли и извлечение ренты в краткосрочной перспективе в отличие от долгосрочных

производственных инвестиций. Кроме того, как позже предсказывал Мински, хотя в этих условиях могут наблюдаться периоды процветания и (кажущейся) стабильности, ускорение темпов внедрения финансовых инноваций способствует принятию еще более рискованных инвестиционных решений. В результате глобальная экономическая система становится все более поляризованной и хрупкой, когда стабильность перерождается в нестабильность, приводящую к уязвимости и шоковым потрясениям.

Такое неконтролируемое развитие финансовых рынков способствовало расширению кредитования более бедных домохозяйств, что временно компенсировало отсутствие роста и (относительное) снижение трудовых доходов вследствие усиления конкуренции в условиях гиперглобализации. Поэтому во многих странах уровень потребления стабилизировался или даже повысился, но исключительно из-за увеличения задолженности домохозяйств. В то же время крупные финансовые и промышленные конгломераты использовали свою растущую прибыль (полученную отчасти благодаря разнице в заработной плате и уровне налогообложения компаний в разных странах) для привлечения заемных средств и спекуляций. Неустойчивый экономический рост в ряде стран, вызванный прежде всего ростом задолженности, и экономические успехи благодаря расширению экспорта в других странах привели к увеличению глобальных дисбалансов, повышая уязвимость уже изначально поляризованной и нестабильной системы и усиливая риски. В результате финансовые кризисы стали более частыми и масштабными. Многие страны с формирующейся рыночной экономикой первыми ощутили на себе удар, но это была только разминка перед настоящими испытаниями.

Двумя среди важнейших социально-экономических тенденций последних десятилетий стали массовый рост государственной и частной задолженности и появление «суперэлит», к которым условно относится 1% лиц с самыми высокими доходами. Эти тенденции связаны с финансиализацией экономики и усилением концентрации собственности на финансовые активы, включая, в особенности, краткосрочные финансовые инструменты. Неравенство по сути является неизбежным следствием процесса гиперглобализации. С конца 1970-х годов разрыв между 10% населения с наибольшими доходами и 40% с наименьшими доходами увеличивался в периоды, предшествовавшие четырем из пяти финансовых кризисов, а также в каждом из двух из трех стран в периоды после кризиса. Если в преддверии кризиса происходит «большой отрыв» группы населения с самыми высокими доходами, чему способствует, в частности,

развитие финансовой ситуации, то после кризиса обычно наблюдается стагнация или снижение доходов беднейших слоев населения. Во время кризиса макроэкономические потрясения в финансовой сфере и чрезмерное использование мер по спасению финансового сектора и инструментов денежно-кредитной политики, что приводит к долговременному ослаблению совокупного спроса и снижению занятости, как правило, еще больше увеличивают неравенство в доходах и усиливают дестабилизирующие тенденции.

Кроме того, из-за отсутствия скоординированных международных действий после крупных кризисов, таких как азиатский кризис 1997–1998 годов и мировой финансовый кризис 2008–2009 годов, большинство стран обычно проводит политику жесткой экономии, пытаясь, как правило тщетно, побудить инвесторов вернуться к докризисным формам и методам деятельности. Таким образом, если в период финансового бума прибыли получают слои населения с самыми высокими доходами, то бремя последующего кризиса почти всегда ложится на государственный сектор и затем на всю национальную экономику. При этом в наибольшей степени страдают самые уязвимые секторы, тогда как крупные финансовые и промышленные конгломераты обычно оказываются первыми в очереди на получение финансовой помощи.

Рантье берут рванш

Как только мир вступил в эру гиперглобализации, финансовый капитал начал приносить своим владельцам баснословные доходы, совершенно не соизмеримые с его общественной пользой. Реже говорится о том, как нефинансовые корпорации научились ловко использовать механизмы извлечения ренты, приумножая свои прибыли и превращаясь в глобальный источник растущего неравенства.

В широком смысле под рентой понимается доход, получаемый лишь в силу владения и управления активами или доминирующего положения на рынке, в отличие от инновационной предпринимательской деятельности или производительного использования ограниченных ресурсов. Рента присваивается крупными корпорациями при помощи ряда нефинансовых механизмов, в том числе путем систематического использования прав интеллектуальной собственности для борьбы с конкурентами. Рента может возникать также в случае хищнического захвата государственных предприятий, включая крупномасштабную приватизацию, что по сути представляет собой всего лишь переток ресурсов от налогоплательщиков к управляющим и акционерам компаний, или же в случае субсидирования крупных корпораций

зачастую не приводящую к осязаемым результатам с точки зрения повышения экономической эффективности или увеличения доходов. Другие способы получения ренты граничат с мошенничеством, включая уход и уклонение от уплаты налогов, а также активное манипулирование рынком руководителями ведущих корпораций для собственного обогащения.

С учетом огромного количества схем извлечения ренты и мягких требований к корпоративной отчетности во всем мире сложно оценить размеры получаемой корпорациями ренты. В качестве одного из способов, позволяющих примерно определить ее объем, можно рассчитать по секторам сверхприбыль или «избыточную прибыль» компаний в отличие от «обычной» для них прибыли. Согласно таким расчетам, за последние два десятилетия доля сверхприбыли в совокупной прибыли значительно увеличилась: с 4% в 1995–2000 годах до 23% в 2009–2015 годах. В случае 100 крупнейших фирм ее удельный вес возрос с 16 до 40%.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что главным фактором в погоне за рентой является усиление рыночной власти. Наблюдающаяся тенденция к повышению концентрации, в частности на рынках развитых стран, вызывает растущую тревогу. К тому же это явление приобретает все большие масштабы. Ряд показателей, в том числе рыночная капитализация, доходы компаний и их (физические и иные) активы, указывает на усиление концентрации во всей мировой экономике, особенно в случае 100 крупнейших фирм. Повышение рыночной концентрации и извлечение ренты могут выступать взаимоусиливающимися процессами, приводя к конкуренции, когда «победителю достается львиная доля». Это стало характерной чертой корпоративной среды по крайней мере в некоторых развитых странах. Возникшие в результате этого неодинаковые условия еще больше увеличивают неравенство. В 1995 году рыночная капитализация 100 крупнейших фирм в среднем в 31 раз превышала аналогичный показатель для 2 000 самых мелких фирм, тогда как к 2015 году этот разрыв увеличился до 7 000 раз.

Примечательно, что, несмотря на неизменное усиление влияния таких фирм на рынках, их доля в общей занятости увеличивалась не столь динамично. Так, рыночная капитализация 100 крупнейших фирм возросла в четыре раза, а их доля в общей занятости – менее чем вдвое. Это лишнее подтверждение того, что гиперглобализация обеспечивает «прибыли без процветания», а асимметричное распределение рыночной власти во многом способствует увеличению разрыва в доходах.

Сильное давление со стороны патентообладателей выступает одним из основных факторов консолидации рыночной власти наряду с чрезмерным влиянием крупных корпораций на регулирующие органы. В результате этого, например, существенно увеличился объем и сроки патентной защиты, которая также распространилась на новые виды и методы деятельности, ранее не относившиеся к сфере технологических инноваций, такие как методы осуществления финансовых и деловых операций. Патенты выдаются на «инновационные» методы осуществления деятельности в области финансов, электронной торговли и маркетинга без привязки к конкретным технологическим разработкам или процессам, при этом данные и информация обрабатываются исключительно в электронной форме. Вследствие этого не только повышается рыночная концентрация, но и ограничивается доступ к данным и знаниям. Использование прав интеллектуальной собственности для решения стратегических, а не производственных задач в целях увеличения сверхприбыли путем ограничения возможностей конкурентов превратилось в один из основных способов извлечения ренты.

Многонациональные корпорации злоупотребляют патентной защитой, с тем чтобы оградиться от конкурентов, что также непосредственно сказывается на развитии инноваций в крупных странах с формирующейся рыночной экономикой, таких как Бразилия, Китай и Индия. За последние два десятилетия в этих трех странах резко увеличился объем продаж относительно высокотехнологичных товаров (например, продуктов информационно-коммуникационных технологий, химической и фармацевтической продукции) зарубежных филиалов корпораций Соединенных Штатов, что в целом напрямую связано со значительным расширением их патентной защиты.

Кроме того, все больше свидетельств указывают на то, что другие нефинансовые схемы получения ренты, такие как уход и уклонение от уплаты налогов, выкачивание ресурсов из государственного сектора (в виде активов и субсидий) и повсеместное манипулирование рынком с целью увеличения выплат высшему руководству компаний, берутся на вооружение фирмами не только в странах с более развитой экономикой, но и все чаще в развивающихся странах.

Обуздать безудержную погоню за рентой и сократить обусловленное ею неравенство можно только путем устранения перекосов в распределении рыночной власти, создающих благодатную почву для подобного поведения. Эта задача не из простых, однако без ее решения невозможно достичь цели поистине инклюзивного и

устойчивого роста. Важным шагом в данном направлении должно стать признание того, что знания и конкуренция представляют собой прежде всего глобальные общественные блага и что манипулирование ими в корыстных целях должно подпадать под эффективное регулирование.

Ярость против машин

Гиперглобализация породила серию волн технологического прогресса, сжавших время и пространство. В результате сложилось впечатление неизбежности моделей экономического роста и распределения, сформировавшихся главным образом под влиянием политических и программных решений, и были также разработаны стратегии реагирования на растущую обеспокоенность судьбой людей, оставшихся не у дел, в которых акцент был сделан на развитии системы образования и профессионального обучения.

В действительности, разработка и распространение новых технологий и обусловленные ими радикальные изменения в существующем образе жизни остаются неизменной темой политических дискуссий и задачей проводимой политики, по крайней мере со времен промышленной революции или даже еще раньше. Как показывает история, преимущества новых технологий со временем могут перевесить издержки. В прошлом технологические прорывы, такие как открытие электричества, изобретение парового двигателя и автомобиля и внедрение конвейерного производства, нарушали функционирование существовавших экономических моделей, вызывая существенное сокращение рабочих мест и снижение доходов в некоторых секторах экономики и слоях общества, но лишь в краткосрочной перспективе. Тем не менее в долгосрочном плане эти негативные последствия с избытком компенсировались, когда инновации стали приносить свои плоды в различных секторах экономики и в конечном счете вся экономика смогла ими воспользоваться в результате появления новых и более высокооплачиваемых рабочих мест.

Вместе с тем цифровая революция (в частности, быстрое развитие робототехники) вызывает у людей все большую обеспокоенность. Тот факт, что роботы становятся гораздо умнее, эффективнее и дешевле, воспринимается некоторыми как угроза рынку труда. Поскольку для их эксплуатации требуется все меньше высококвалифицированных специалистов, массовое сокращение рабочих мест и снижение заработной платы уже привели к уменьшению среднего класса в странах с более развитой экономикой и прекращению роста его численности в странах с формирующейся рыночной экономикой.

Вызывает беспокойство то, что технологии встали на пути реализации стратегий по формированию инклюзивной экономики, предусмотренной в Повестке дня на период до 2030 года, еще до начала их осуществления на практике.

Хотя для подобной беспокойности могут быть основания, с чисто экономической точки зрения эти технологические изменения не могут объяснить нынешние проблемы рынка труда. Не отрицая возможного негативного влияния цифровых технологий на занятость в будущем, следует, однако, отметить, что их реальная новизна заключается не столько в более широкой области применения, их быстродействии или большей функциональности, сколько в том, что они появились в условиях замедленных макроэкономических процессов в странах с более развитой экономикой и прекращения процесса структурных преобразований во многих развивающихся странах. Это, как правило, оказывает сдерживающее воздействие на инвестиции, необходимые для надлежащего внедрения новых технологий и создания новых секторов, в которых люди, потерявшие работу, могли бы найти более привлекательные рабочие места.

Влияние применения промышленных роботов на уровень занятости и распределение доходов может проявляться в различных формах, но в любом случае перед их внедрением компании сопоставляют потенциальную экономию на оплате труда с инвестициями в новое капитальное оборудование. Это означает, что сокращение рабочих мест вследствие роботизации производства в большей степени экономически оправданно в обрабатывающих секторах со значительной долей высококвалифицированной и хорошо оплачиваемой рабочей силой, таких как автомобилестроение и электронная промышленность, чем в относительно трудоемких отраслях с низкой заработной платой, таких как швейная промышленность. В большинстве существующих исследований оценки возможного отрицательного влияния роботизации на занятость и доходы завышены, поскольку в них не учитывается тот факт, что технически осуществимые проекты не всегда рентабельны. В действительности, наиболее высокий уровень автоматизации с применением промышленных роботов наблюдается в странах с крупной обрабатывающей промышленностью, в которой ведущую роль играют отрасли с относительно высокой заработной платой, такие как автомобилестроение и электронная промышленность. В отличие от этого процесс роботизации пока оказал лишь довольно незначительное непосредственное воздействие на большинство развивающихся стран, и вряд ли можно ожидать, что данная ситуация изменится в обозримом будущем с учетом недостаточной

диверсификации их экономики и существующего уровня технической модернизации.

Несмотря на шумиху вокруг последствий роботизации, применение промышленных роботов остается довольно ограниченным, в частности в 2015 году их насчитывалось всего 1,6 млн единиц. Однако с 2010 года их число резко увеличилось, и ожидается, что к 2019 году их парк превысит 2,5 млн единиц. Подавляющее большинство существующих промышленных роботов находится в развитых странах, например на Германию, Японию и Соединенные Штаты в совокупности приходится 43% их общего числа. Наиболее высокая плотность роботизации (количество промышленных роботов в расчете на одного работника в обрабатывающей промышленности) наблюдается в развитых странах и бывших развивающихся странах, находящихся сейчас на завершающих этапах индустриализации, таких как Республика Корея. В последнее время наиболее высокие среднегодовые темпы введения роботов в эксплуатацию отмечались в развивающихся странах, что, однако, во многом объяснялось быстрой роботизацией в Китае, обладающем крупным обрабатывающим сектором.

Влияние роботизации на распределение доходов, вероятно, будет неоднородным и будет зависеть от различных факторов, в том числе от того, на каком этапе находится страна в процессе структурных преобразований, от ее места в международном разделении труда, от демографических тенденций и ее экономической и социальной политики. Тем не менее уже наблюдаются признаки того, что использование промышленных роботов приводит к повышению концентрации обрабатывающих производств в небольшой группе стран. Такая концентрация препятствует обеспечению инклюзивного развития на международном уровне и в условиях низкого мирового спроса существенно затрудняет проведение развивающимися странами структурных преобразований с целью создания хорошо оплачиваемых рабочих мест в обрабатывающей промышленности. В этом смысле роботизация может осложнить процесс экономического развития в странах, использующих традиционные стратегии индустриализации, а также достижение целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Некоторые последствия роботизации, оказывающие негативное влияние на занятость и доходы, могут действительно ощущаться в странах, где роботы не используются. Это объясняется тем, что роботизация производства может способствовать значительному повышению конкурентоспособности компаний на международном уровне и тем самым расширению экспорта из стран их базирования

в ущерб другим странам, поскольку последние столкнутся по крайней мере с некоторыми негативными дистрибутивными последствиями, вызванными автоматизацией с применением роботов и проявляющимися в виде сокращения производства и возможностей трудоустройства. Кроме того, возвращение обрабатывающего производства и связанных с ним рабочих мест обратно в развитые страны может отрицательно сказаться на занятости и доходах в обрабатывающих секторах развивающихся стран. Действительно, пока есть лишь немного свидетельств такого возвращения производства, а в тех случаях, когда оно имело место, оно не дало ожидаемого положительного результата в развитых странах с точки зрения занятости. Такое возвращение производства зачастую сопровождалось капиталовложениями, в частности в робототехнику, при незначительном расширении занятости, причем в основном в секторах с высококвалифицированной рабочей силой. Это означает, что рабочие места, «возвращающиеся» вместе с производством, будут отличаться от тех, что были перенесены за границу.

Некоторые полагают, что замедление процесса автоматизации посредством введения налогов на роботов даст экономике больше времени для адаптации и обеспечит также дополнительные налоговые поступления для финансирования процесса такой адаптации. Однако введение такого налога, возможно, будет препятствовать использованию роботов в тех случаях, когда их применение особенно полезно, а именно когда работники и роботы дополняют друг друга и когда их использование может привести к появлению новых продуктов и рабочих мест, связанных с цифровыми технологиями. Другие выступают за более равномерное распределение выгод от более широкого применения роботов, опасаясь того, что роботы возьмут на себя более производительные и высокооплачиваемые операции по сравнению с типичными операциями, которые по-прежнему будут выполнять люди. Без принятия соответствующих мер дистрибутивные последствия роботизации приведут к увеличению доли доходов владельцев роботов, а также доходов от использования интеллектуальной собственности в области робототехники, что еще больше усилит существующее неравенство.

Внедрение цифровых технологий может также открыть новые возможности для развития. Дальнейшее совершенствование коллаборативных роботов может в конечном итоге оказаться особенно выгодным для малых предприятий, поскольку их внедрение может осуществляться без участия специалистов по системной интеграции и они могут быть быстро настроены на выполнение новых операций и требований, связанных с производством.

Совмещение роботов и трехмерной печати может также создать новые возможности для малых обрабатывающих предприятий, позволяющие им преодолеть проблемы ограниченного объема производства и значительно расширить масштабы своей деятельности. Если это будет сопровождаться ростом местного спроса, то участие в глобальных производственно-сбытовых цепочках станет скорее не необходимостью, а стратегическим выбором. В то же время внедрение цифровых технологий может привести к фрагментации глобальных механизмов поставки услуг и международной торговли ими, при этом пока еще не совсем ясно, приведет ли использование цифровых технологий в сфере услуг к увеличению или сокращению занятости, доходов и производительности по сравнению с традиционной производственной деятельностью.

С точки зрения развития главный вопрос заключается в том, действительно ли расширение использования роботов делает менее эффективной стратегию развития с опорой на индустриализацию. Ответ на этот вопрос будет зависеть от ряда факторов, в частности от того, кто владеет и управляет робототехникой, от возможных преимуществ первопроходцев в области роботизации и от того, в каких секторах обрабатывающей промышленности применение роботов, вероятно, дает наибольшую отдачу. С учетом всех этих факторов решающую роль будет играть эффективная разработка и реализация политики в области промышленных цифровых технологий, а также наличие у стран достаточного пространства для осуществления такой политики.

Использование потенциала цифровой революции в интересах ускорения роста производительности труда и обеспечения более справедливого и устойчивого глобального экономического развития, безусловно, необходимо для достижения целей Повестки дня на период до 2030 года. Какими бы ни были нынешние последствия цифровой революции, ее воздействие на занятость и инклюзивное развитие будет, в конечном счете, зависеть от принимаемых стратегий, дальновидности регулирующих органов и социальных норм.

Гендерная проблематика и борьба за плохие рабочие места

Для большинства людей нахождение «хорошей работы» является залогом улучшения условий жизни, и наличие такой работы имеет важнейшее значение для создания инклюзивной экономики. Хорошие рабочие места ассоциируются с достойной работой, и чаще всего они находятся в формальном секторе экономики, где заработная плата выше, возможен карьерный рост и условия труда лучше

регламентированы. В контексте развития такие рабочие места чаще встречаются в промышленном секторе, чем в сельском хозяйстве или секторе услуг.

Половина населения мира в поисках хорошей работы сталкивается с дискриминацией по гендерному признаку. Поэтому вполне закономерно, что именно женщины особенно настойчиво выступают с призывами придать гиперглобализации более инклюзивный характер. Однако решение этой проблемы не ограничивается лишь обеспечением более активного участия женщин на рынке труда и в руководстве компаний. Поэтому даже обеспечение учета гендерных аспектов в таких процессах, как расширение доступа населения к финансовым услугам, поощрение предпринимательства или упрощение процедур торговли, внесет лишь ограниченный вклад в формирование более инклюзивной экономики. Институты и социальные нормы, лежащие в основе гендерного неравенства, как правило, находят свое отражение на рынке труда. Большинство женщин сталкивается с дискриминацией на рабочем месте и сегментацией рынка труда, причем оба эти явления неразрывно связаны с последствиями гиперглобализации в широком смысле.

В частности, ограниченные возможности получить работу, особенно «хорошую работу», по сравнению с предложением рабочей силы объясняются преобладающими глобальными тенденциями наряду со структурными и технологическими изменениями. Из-за нехватки хороших рабочих мест повысилась роль гендерного фактора при найме на работу и женщинам все сложнее получить лучшие рабочие места, несмотря на то, что в целом доля работающих женщин увеличивается, а доля работающих мужчин снижается.

В условиях циклов, состоящих из подъемов и спадов, мер жесткой экономии и высокой мобильности капитала существует опасность того, что достижение гендерного равенства в области занятости может обернуться конфликтами на гендерной почве с учетом повышения уровня женской занятости (что и происходит в большинстве стран мира) и снижения уровня занятости мужчин. Эта тенденция почти не заметна и широко не обсуждается, и, хотя ощутимее всего она проявляется в странах с более развитой экономикой, она превратилась теперь в проблему для рынков труда по всему миру, за исключением некоторых крупных стран, в частности Китая и Индии, где доля работающих женщин снижается.

Исчезновение традиционных промышленных профессий и целых обрабатывающих производств является наглядным примером растущего неравенства в развитых странах и сказывается, прежде всего, на мужчинах рабочих профессий средней возрастной

категории. В то же время число рабочих мест в промышленном секторе сокращается также и во многих развивающихся странах, в которых процесс индустриализации остановился или началась преждевременная деиндустриализация, что в гораздо большей степени сказывается на занятости в промышленности женщин, чем мужчин. В 1991–2014 годах в развивающихся странах доля занятости в промышленности в общей занятости снизилась в среднем на 39% в случае женщин в отличие от 7,5% в случае мужчин. Кроме того, с ростом капиталоемкости промышленного производства именно женщины, как правило, теряют работу в этом секторе, причем даже с учетом уровня их образования, что таким образом ставит под сомнение утверждение о том, что они лишаются работы из-за разницы в квалификации. С учетом повышения капиталоемкости и автоматизации производства маловероятно, чтобы технологическая революция в странах Юга содействовала обеспечению гендерного равенства.

В конечном счете, расширение возможностей занятости в промышленном секторе должно обеспечиваться с учетом гендерных аспектов, для чего, однако, потребуется устойчивый рост спроса на промышленные товары. Для развивающихся стран увеличение чистого экспорта продукции обрабатывающей промышленности способствует расширению возможностей женщин получить работу в промышленном секторе при условии, что государственная политика гарантирует определенные защитные меры при импорте товаров, т.е. снижение уровня либерализации торговли, как представляется, отвечает интересам работающих женщин. Бюджетно-финансовая политика, направленная на содействие экономическому росту, также вносит вклад в обеспечение инклюзивного экономического развития, способствуя повышению спроса на рабочую силу и тем самым ослаблению конкуренции за рабочие места между женщинами и мужчинами (благодаря расширению занятости женщин в промышленном секторе без ущерба для возможностей занятости мужчин), а, соответственно, меры жесткой экономии, вероятно, особенно сильно сказываются на женщинах.

Ускорение темпов экономического роста само по себе не приносит ожидаемых результатов с точки зрения обеспечения гендерного равенства, в частности, оно незначительно повлияло на относительный доступ женщин к хорошим рабочим местам. В вопросе гендерного равенства особую обеспокоенность вызывает тот факт, что расширение участия женщин на рынке труда при отсутствии сопутствующих мер и механизмов по стимулированию спроса на рабочую силу для продуктивной занятости этих лиц, выходящих

на рынок труда, усугубляет гендерную сегрегацию в этой области и приводит к вытеснению женщин в неформальный сектор услуг с низкой добавленной стоимостью.

Оказывает ли гендерная сегрегация на рынках труда (или распределение профессий по половому признаку) негативное воздействие на рабочую силу в целом, о чем можно судить, в частности, по доле заработной платы в национальном доходе? Как правило, наблюдается позитивная корреляционная связь между динамикой общей занятости и занятости женщин, т.е. факторы, оказывающие положительное влияние на занятость женщин, благоприятно сказываются и на рабочей силе в целом, включая мужчин. С поправкой на другие возможные факторы есть основания полагать, что ограничение относительного доступа женщин к рабочим местам в обрабатывающем секторе было связано со снижением доли заработной платы в национальном доходе в развивающихся странах с начала 1990-х годов. Вместе с тем в условиях нехватки хороших рабочих мест более активное участие женщин на рынке труда оказывает сдерживающее воздействие на рост заработной платы, что в принципе может запустить процесс экономического роста с низкой оплатой труда, характеризующийся усилением экономической нестабильности и гендерными конфликтами, поскольку участие женщин на рынке труда, по всей видимости, будет негативно сказываться на возможностях трудоустройства мужчин.

С учетом существующих проблем в сфере занятости, вызванных структурными и технологическими изменениями, и того факта, что оплачиваемой и неоплачиваемой деятельностью по уходу в основном занимаются женщины, превращение таких видов деятельности в достойную работу должно стать неотъемлемым элементом стратегий, направленных на содействие инклюзивному экономическому развитию.

Глобальный новый курс для продвижения вперед

В настоящее время слишком большое количество людей в очень многих частях мира интегрированы в мировую экономическую систему, в которой наблюдается неравноправие и несправедливость при распределении выгод. Экономические и финансовые кризисы, такие как кризис 2008–2009 годов, наглядно демонстрируют увеличивающиеся дисбалансы в мировой экономике, которые не только усиливают неравенство, но и оказывают дестабилизирующее воздействие и представляют угрозу для социально-политического климата и состояния окружающей среды на планете. В тех случаях, когда странам удавалось добиться экономического роста, будь то

благодаря увеличению внутреннего потребления, буму на рынке недвижимости или расширению экспорта, непропорционально большая доля выгод доставалась горстке привилегированного населения. В то же время слишком большой объем накопленной задолженности в сочетании со слишком низким спросом на мировых рынках сдерживал рост мировой экономики. Принятие в последующем политики жесткой экономии в ответ на спад экономической активности сильнее всего сказалось на беднейших слоях, вызывая дальнейшую поляризацию и усиливая обеспокоенность среди населения по поводу будущего. Между тем политические элиты уверенно утверждали, что альтернативы нет. Все это создало благодатную экономическую почву для ксенофобской риторики, автаркической политики и стратегий решения своих проблем «за счет соседей».

Попытки найти корень зла этих явлений в технологии и торговле отвлекают внимание от очевидного факта: без значительных, постоянных и согласованных усилий по оживлению мирового спроса за счет увеличения заработной платы и государственных расходов мировая экономика будет обречена в лучшем случае на затяжной медленный подъем. Сейчас самое подходящее время для привлечения частных инвестиций путем принятия согласованных стимулирующих мер бюджетно-финансовой политики для того, чтобы заново запустить двигатель роста, обеспечить при этом восстановление равновесия в экономике и обществе, в функционировании которых возникли серьезные нарушения после 30 лет гиперглобализации. В то же время в современном мире в условиях мобильных финансовых потоков и открытых экономических границ ни одна страна не может самостоятельно решить эту задачу, не столкнувшись с риском бегства капитала, обвала национальной валюты и раскручивания дефляционной спирали. Поэтому необходима согласованная на мировом уровне стратегия экономического роста за счет прежде всего увеличения государственных расходов, позволяющая всем странам воспользоваться выгодами от одновременного оживления конъюнктуры на их внутренних и внешних рынках.

Переход от гиперглобализации к созданию инклюзивной экономики предполагает не только улучшение функционирования рыночных механизмов, будь то путем укрепления человеческого капитала, восполнения информационных пробелов, использования более совершенных стимулов, предоставления кредита бедным слоям или обеспечения более эффективной защиты потребителей. Скорее требуется более четкая и всеобъемлющая программа действий, направленная на устранение перекосов на мировом и национальном

уровнях в мобилизации ресурсов и распределении технологических ноу-хау, рыночной власти и политического влияния, вызванных гиперглобализацией и приводящих к усилению и увековечиванию неравенства.

Нынешняя ситуация во многом благоприятствует разработке такой программы преобразований. Существующий порядок подвергается критике с обоих концов идеологического спектра, и его легитимность ставится широкой общественностью под сомнение. Цели в области устойчивого развития, согласованные всеми членами Организации Объединенных Наций, являются политической основой для осуществления преобразований. Сейчас главная задача должна заключаться в использовании сформировавшегося консенсуса для обеспечения надлежащего сочетания ресурсов, стратегий и реформ, необходимых для придания соответствующего импульса инвестициям и содействия инклюзивным процессам как на глобальном, так и на национальном уровне.

Несмотря на все дискуссии по поводу дальнейшего снижения роли и неизбежного заката института национального государства, оно по-прежнему остается источником легитимности и власти в современном взаимозависимом мире, и в конечном итоге граждане ждут от него экономической безопасности, социальной справедливости и политической лояльности. Однако, как и в прошлом, для обеспечения всеобщего процветания следует уделять пристальное внимание перекосам, асимметрии и недостаткам в глобальном управлении, которые могут препятствовать инклюзивному и устойчивому развитию. Подлинный интернационализм по-прежнему основывается на ответственном национализме, и достижение необходимого равновесия остается ключевым элементом любой содержательной многосторонней повестки дня.

С учетом этого глобальному новому курсу необходимо обеспечить широкую поддержку. В рамках «Нового курса», первоначально проводившегося в Соединенных Штатах в 1930-х годах и впоследствии взятого на вооружение другими промышленно развитыми странами, в частности после окончания Второй мировой войны, был намечен новый путь развития, охватывающий три широких направления действий: восстановление, регулирование и перераспределение. Хотя эти направления включали конкретные стратегические цели в зависимости от соответствующих экономических и политических условий стран, главными общими компонентами, ставшими залогом успеха на этом новом пути, были создание рабочих мест, расширение пространства для маневра в бюджетно-финансовой политике и контроль над деятельностью финансового сектора.

При разработке нового курса сегодня можно использовать те же компоненты. Как и в прошлом, государствам необходимо пространство для выработки дальновидной бюджетно-финансовой и другой государственной политики в целях стимулирования инвестиций и повышения уровня жизни, подкрепляемой стратегиями в области регулирования и перераспределения, направленными на решение трех взаимосвязанных задач, касающихся большого неравенства, демографического давления и экологических вызовов. Однако для того чтобы решить конкретные проблемы неравенства и нестабильности в XXI веке, страны должны вместо того, чтобы пытаться оградить себя от воздействия глобальных экономических сил, использовать там, где это необходимо, некоторые элементы «Нового курса» Рузвельта на глобальном уровне, приведя их в соответствие с реалиями современного взаимозависимого мира.

Могли бы быть рассмотрены, в частности, следующие меры:

- **Отказ от политики жесткой экономии** – Это одно из основных условий формирования устойчивой и инклюзивной экономики. Отказ от мер жесткой экономии предусматривает использование бюджетно-финансовой политики для регулирования спроса, при этом ключевой стратегической целью должно быть обеспечение полной занятости. Кроме того, меры по увеличению денежной массы должны быть направлены на достижение иных целей, а именно для финансирования государственных инвестиций, способствующих инклюзивному и устойчивому развитию. В рамках общего увеличения государственных расходов на развитие физической и социальной инфраструктуры государство может выступать в качестве «работодателя последней инстанции»: адресные программы занятости в государственном секторе могут быть весьма эффективными в плане создания рабочих мест, особенно в странах с низким уровнем дохода, где значительная часть трудоспособного населения работает в неформальном секторе или относится к категории самозанятых. Государственные инвестиции в инфраструктуру и программы занятости играют важную роль в уменьшении региональных диспропорций, возникших в развитых и развивающихся странах.
- **Увеличение государственных инвестиций, ориентированных на человека** – Данная стратегия включает масштабные программы общественных работ в целях смягчения последствий изменения климата и адаптации к ним, расширение технологических возможностей, открывающихся в связи с Парижским соглашением по климату, а также решение проблем загрязнения и ухудшения

состояния окружающей среды в целом. Кроме того, необходимо принять меры в связи с демографическими и социальными изменениями, которые ставят под угрозу существование местных общин и расширенных семей, путем обеспечения всеобщего доступа к государственным услугам по уходу за детьми и пожилыми людьми. В обоих случаях государственные инвестиции должны быть направлены на привлечение и облегчение новых частных инвестиций, включая использование потенциала МСП и механизмов долевого владения, таких как кооперативы.

- **Увеличение государственных доходов** – Это ключевая мера для финансирования глобального нового курса. Более широкое использование прогрессивного налогообложения, в том числе в случае налогов на имущество и на рентные доходы из других источников, может способствовать устранению неравенства в доходах. Кроме того, следует изучить возможность пересмотра решений о снижении налоговых ставок для корпораций. Однако эта мера, вероятно, не столь важна как устранение возможностей для налоговых изъятий и лазеек и для злоупотреблений при субсидировании корпораций, в том числе в использовании субсидий для привлечения или удержания иностранных инвестиций.
- **Создание нового глобального финансового реестра** – Для того чтобы компании и очень богатые люди не могли использовать «налоговые гавани», необходимо принять соответствующие законодательные меры как на национальном, так и на международном уровне. В качестве первого шага в этом направлении может быть создан глобальный финансовый реестр, содержащий информацию о собственниках финансовых активов во всем мире.
- **Повышение роли профсоюзов** – Необходимо, чтобы заработная плата увеличивалась соразмерно росту производительности труда. Повышение роли профсоюзов является наиболее эффективным способом достижения этой цели. В то же время необходимо решить проблему отсутствия гарантий занятости, в частности, путем принятия соответствующих законодательных мер, в том числе в отношении трудовых договоров в неформальном секторе, и активных действий для улучшения ситуации на рынке труда. В целях обеспечения более справедливого распределения доходов следует изучить возможность использования более инновационных механизмов дополнительных доходов, таких как социальный фонд, капитал которого мог бы быть сформулирован

с помощью акций, выпущенных крупнейшими корпорациями и финансовыми учреждениями.

- **Контроль над финансовым капиталом** – Для привлечения частных инвестиций необходимо обеспечить контроль над финансовыми институтами, с тем чтобы поставить их на службу интересам более широких слоев населения. Помимо надлежащего регулирования финансового сектора важно регламентировать деятельность частных банков-тяжеловесов, в том числе с помощью инструментов международного надзора и регулирования, а также решить проблему, связанную с высокой концентрацией рынка кредитных рейтингов и существованием тесных связей между рейтинговыми агентствами и теневыми банковскими учреждениями, которые создают благодатную почву для распространения «токсичных» финансовых продуктов.
- **Значительное увеличение финансовых ресурсов, предоставляемых на многосторонней основе** – Это должно, в частности, включать достижение целевых показателей ОПР, а также повышение капитализации многосторонних и региональных банков развития. Кроме того, необходимы многосторонние усилия для устранения институциональных пробелов, препятствующих реструктуризации суверенного долга.
- **Ограничение практики, используемой корпорациями для извлечения ренты** – Чтобы установить контроль за деятельностью корпораций, занимающихся извлечением ренты, необходимо существенно усилить меры, направленные на недопущение ограничительной деловой практики. Выдвинутый ОЭСР в 2013 году план мероприятий по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и выводом прибыли из-под налогообложения (BEPS) стал первым шагом в этом направлении. Однако для установления контроля за ограничительной деловой практикой потребуется более комплексный международный механизм. Предыдущие усилия, предпринимавшиеся в рамках Организации Объединенных Наций в 1980-х годах, могут использоваться в качестве подходящей отправной точки. В то же время важно обеспечить более строгое соблюдение крупными корпорациями действующих национальных требований к раскрытию информации и представлению отчетности. Создание глобального центра по вопросам конкуренции позволит обеспечить систематический сбор информации о многочисленных существующих нормативно-правовых положениях, что станет первым шагом к разработке на основе накопленного опыта

согласованных на международном уровне принципов и стратегий, а также анализу тенденций и процессов, касающихся рыночной концентрации. В целом вопросы распределения должны составлять неотъемлемую часть политики в области конкуренции.

- **Сохранение пространства для маневра в политике** – Невозможно реально изменить многочисленные ограничительные меры в области инвестиций и интеллектуальной собственности, нашедшие отражение в тысячах двусторонних и во все большем числе региональных торговых и инвестиционных соглашений, без кардинального пересмотра существующего международного инвестиционного режима. В качестве первого шага необходимо пересмотреть его нынешнюю узкую ориентацию на защиту иностранных инвесторов и принять более сбалансированный подход, учитывающий интересы всех затрагиваемых сторон и признающий право государств осуществлять регулирование на национальном уровне. Следует усовершенствовать международную систему урегулирования инвестиционных споров и арбитражного разбирательства и при необходимости заменить ее более централизованной системой, предусматривающей надлежащие апелляционные процедуры и основывающейся на принципах международного права. Консультативный центр по международному инвестиционному праву мог бы оказывать помощь правительствам развивающихся стран в урегулировании споров с многонациональными корпорациями на более равноправной основе.

В 1947 году международное сообщество, руководствуясь ценностями первоначального «Нового курса», попыталось восстановить равновесие в мировой экономике, подорванной экономической депрессией и войной: Международный валютный фонд (МВФ) начал свою деятельность, Всемирный банк предоставил первый кредит на реструктуризацию, в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) было заключено первое многостороннее торговое соглашение, Джордж Маршалл предложил самый успешный проект сотрудничества в целях развития в современной истории, Организация Объединенных Наций открыла свое первое региональное отделение и провела первую крупную конференцию, посвященную вопросам торговли и занятости. Семьдесят лет спустя требуются не менее решительные усилия для устранения неравенства, вызванного гиперглобализацией, в целях создания инклюзивной и устойчивой экономики.

